

А.И. Куприн

Звезда Соломона

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К92

К92 **Куприн А.И.**
Звезда Соломона / А.И. Куприн – М.: Книга по Требованию, 2013. – 160 с.

ISBN 978-5-517-98358-9

ISBN 978-5-517-98358-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

кренделемъ. Изрѣдка совершалъ онъ прогулки на Вербы, на Троицкое катанье, на балаганы, на ледоходъ и на Иорданъ и разъ въ годъ ходилъ въ театръ на какую-нибудь сильную, патриотическую пьесу, гдѣ было побольше дѣйствій, а также слезъ, криковъ и порохового дыма.

Была у него одна невинная страстишка, а, пожалуй, даже призваніе—разгадывать въ журналахъ и газетахъ всевозможные ребусы, шарады, ариѐмографы, картограммы и прочую путаную белиберду. Въ этой пустыяковой области Цвѣтъ отличался несомнѣннымъ, выдающимся, исключительнымъ талантомъ, и много было случаевъ что онъ для своихъ товарищей и знакомыхъ, выписывающихъ недорогія еженедѣльные изданія, разгадывалъ, шутя, сложныя премированныя задачи. Высокимъ мастеромъ былъ онъ также въ чтеніи всевозможныхъ секретныхъ шифровъ, и объ этомъ странномъ дарованіи Ивана Степановича наша правдивая, хотя и неправдоподобная повѣсть разказываетъ не случайно, а съ нарочитымъ подчеркиваніемъ, которое станетъ яснымъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Изрѣдка, въ праздничные дни, подъ вечерокъ, заходилъ Цвѣтъ—и то по особо настойчивымъ приглашеніямъ—въ одинъ трактирный низокъ подъ названіемъ «Бѣлыя Лебеди». Тамъ иногда собирались почтамтскіе, консисторскіе, благочинскіе и сиротскіе чиновники, а также семинаристы и кое-кто изъ соборныхъ пѣвчихъ—голосистая, хорошо сладившаяся, опытная въ хоровомъ пѣніи компанія. Толстый и суровый хозяинъ, господинъ Нагурный, страстный обожатель умилительныхъ церковныхъ пѣснопѣній, охотно отводилъ на эти случаи просторный «банкетный» кабинетъ. Пѣлись старинныя русскія пѣсни, кое-что изъ малорусскаго репертуара, особенно изъ «Запорожца за Дунаемъ», но чаще—церковное, строгаго стили, вродѣ «Чертогъ Твой вижду», «Егда славни ученицы» или изъ бахметьевскаго обихода греческіе распѣвы. Регентовалъ обычно великій знатокъ Среброструновъ отъ Знаменія, а октаву держалъ самъ знаменитый и препрославленный Сугротовъ, бродячій октавистъ, горькій пьяница и сверхъестественной глубины басъ. Хозяину Нагурному пѣть разъ навсегда было строго запрещено, вслѣдствіе полнаго отсутствія голоса и слуха. Онъ только дирижировалъ головой, дѣлалъ то скорбное, то строгое, то восторженное лицо, закатывалъ глаза, хлюпалъ носомъ и—старый потертый крокодилъ—плакалъ настоящими, въ орѣхъ величиною, слезами. И часто, разнѣжившись, ставилъ выпивку и закуску.

На этихъ любительскихъ концертахъ Иванъ Степановичъ, случилось, не могъ отказатся отъ стакана-другого пива, отъ рюмочки Сантуринскаго или Кагора. Но прятнѣ ему было все-таки скромно угостить хорошаго знакомаго, чаще всего—волосатаго и звѣроподобнаго октависта Сугрובה, къ которому онъ питаль тѣ же почтительныя, боязливыя, наивныя и влюбленныя чувства, какія испытываетъ порою пылкій десятилѣтній мальчуганъ передъ пожарнымъ трубникомъ въ сіяющей мѣдной каскѣ.

II.

26-е апрѣля пришлось какъ разъ въ воскресенье, въ храмовой праздникъ прихода, гдѣ пѣль Иванъ Степановичъ. Кромѣ обычной обѣдни была еще отслужена заупокойная литургія, заказанная вдовой именитаго купца Солодова, по случаю мужниныхъ сороковинъ. Пѣвчіе, старавшіеся во всю, были награждены расплакавшеюся купчихой съ неслыханной щедростью (поговаривали, что покойный сильно поколачиваль въ хмѣлю свою супругу, и что еще при жизни мужа она утѣшалась съ красавцемъ старшимъ приказчикомъ). Послѣ литургіи пропѣли панихиду на дому, а къ поминальному обильному столу, вмѣстѣ съ духовенствомъ и нарочито приглашеннымъ соборнымъ протодіакономъ, былъ позванъ и церковный хоръ.

День закончился въ «Бѣлыхъ Лебедяхъ» настоящимъ разливанымъ моремъ, и какъ-то само собой случилось, что Цвѣтъ, всегда умѣренный и не любившій вина, выпилъ гораздо болѣе того, что ему было допущено привычкой и натурой. Но отъ этого онъ вовсе не потерялъ своихъ милыхъ и теплыхъ внутреннихъ свойствъ а, наоборотъ, забывъ о всегдашней застѣнчивости и слегка распхнувшись душой, сталъ еще добрѣе и привлекательнѣе. Съ нѣжной предупредительностью подливалъ онъ пиво въ стаканы то октависту Сугробову, то огромному протодіакону Картагенову, котораго безъ особыхъ усилій компанія затащила въ ресторанный подвальчикъ. Восторженно слушалъ онъ, какъ эти двѣ городскія знаменитости, оба красные, потные, мохнатыя съ напружившимися жилами на шеяхъ, переговаривались черезъ столь роко-чущими густыми голосами, заставлявшими тяжело и гулко колебаться весь воздухъ въ низкой и просторной компатѣ. Обнималь онъ также и многократно цѣловаль жеманнаго курчаваго и толстаго Среброструнова, увѣряль, что мѣсто ему по его великимъ

талантамъ, быть не регентомъ въ маленькомъ губернскомъ городѣ, а, по крайней мѣрѣ, управлять придворной капеллой, или московскимъ синодальнымъ хоромъ, и клятвенно обѣщался подарить къ именинамъ Среброструнова золотой камертонъ съ надписью и къ нему—замѣчательный футляръ изъ краснаго сафьяна, собственно-ручной работы.

Въ этотъ вечеръ пѣли мало и не по-всегдашнему стройно: сказались усталость и купеческое широкое хлѣбосолюство. Но говорили много, громко, возбужденно и всѣ разомъ. Высокія носовыя и горловыя ноты теноровыхъ голосовъ плыли и дрожали на фонѣ струннаго басового гудѣнія, точно сверкающая рябь солнечнаго заката на глубокой полосѣ спокойной, широкой рѣки. И Цвѣту мгновеньями казалось, что онъ самъ среди пестраго говора, въ синихъ облакахъ табачнаго дыма, пронизаннаго мутными пятнами огней тихо плыветъ куда-то въ темную даль, испытывая сладкое, сонное, раздражающее головокруженіе, какую-то пріятную, лаурную съ алыми пятнами одурь. Порою отдѣльные куски разговора вставали передъ нимъ съ необыкновенной, преувеличенной яркой ясностью.

— Я и не скрываю. Чего мнѣ скрывать? — говорилъ смуглый угреватый и мрачный баритонъ Карпенко. — Есть у меня одинъ выигрышный билетъ. Перваго мая ему розыгрышь. Хоть онъ и заложенный, а все-таки я его сколотилъ на мои кровные труды, и никому до этого нѣтъ никакого дѣла. Вотъ на зло, выиграю 1-го мая двѣсти тысячъ и брошу къ чортовой матери и хоръ, и службу. И заживу паномъ. Положу деньги подъ закладную дома изъ десяти процентовъ. Проценты буду проживать, а капиталъ не трону. Двадцать тысячъ въ годъ. Буду обѣдать у Смутьскаго, а за обѣдомъ портвейнъ пить по два съ полтиной бутылка. Попробуйте-ка у меня тогда занять денегъ. А н-ни копейки, ни грошика. Н-никому! Зась!

— Го-го-го, — захрохоталъ оглушительно Картагеновъ. — Я разъ выигралъ на билетъ пятьсотъ рублей.

— Какъ это такъ, отецъ діаконъ? На билетъ отъ конки?

— Ничуть не бывало. Взаправду. Мой батька, какъ вамъ, можетъ быть, извѣстно, былъ, вродѣ меня, соборнымъ протодіаконномъ, но только не здѣсь, а въ Москвѣ. И голосомъ онъ обладалъ ужасающимъ, вродѣ царя-колокола, или самолетскаго парохода. Что я передъ нимъ? Моз-глякъ!—рявкнулъ Картагеновъ, и отъ

его возгласа заколебались огненные языки въ лампахъ. — Однажды ему за свадебнаго апостола купцы подарили шесть выигрышныхъ билетовъ. Тогда они еще по сту съ небольшимъ ходили. Вотъ, онъ, значить, всѣ эти билеты перетасоваль и раздалъ, какъ карты, не глядя, и потомъ на каждомъ написалъ имена: свое, маменькино и насъ четверыхъ: мое, двухъ братьевъ и сестренкино. И засунулъ за образа.

Однако, не застраховаль. Побоялся искушенія. Сказано въ писанія: «не надѣйтесь ни на князи, ни на сыны человѣческіе». И положилъ онъ между нами всѣми такой нерушимый уговоръ: если кто выиграетъ пятьсотъ рублей, тому выигрышъ идетъ цѣликомъ — малолѣткамъ ко дню ихъ совершеннолѣтія. А на руки немедленная единовременная премія, въ пропорціи возраста. Мнѣ, напримеръ, было высчитано рубль сорокъ копеекъ. Если же на чей билетъ падеть больше, то всѣ деньги дѣлятся между участниками и хранятся по уговору, хотя счастливцу все-таки выдается увеселительный наградной кушъ. За тысячу—три рубля, за пять тысячъ—десять и такъ далѣе, съ благоразумнымъ уменьшеніемъ процентовъ. За двѣсти же тысячъ — пятьдесятъ цѣлковыхъ, по тогдашнему времени—цѣлый корабль съ мачтами и еще груженный золотомъ.

Пришло первое мая. Отецъ нарочно купилъ газету, надѣлъ очки и смотреть. Глядь—готово. Мой номеръ. Цифра въ цифру. Такъ и напечатано: вышелъ въ тиражъ погашенія нумеръ такой-то, серія такая-то. Что такое за штука тиражъ—никому не было тогда извѣстно: ни отцу, ни знакомымъ. Но, посовѣтовавшись съ кое-какими ближними мудрецами, такъ и порѣшили, что, должно быть, слово это означаетъ тоже выигрышъ, а, можетъ быть, — почему знать?—и въ удвоенномъ размѣрѣ? Батка по этому поводу совершилъ обильное возліяніе, а мнѣ на радостяхъ было выдано въ задатокъ рубль и сорокъ копеекъ. Устроилъ я въ тотъ же день Валтасарово пиршество. Купилъ на улицѣ полный боченокъ грушеваго квасу и весь лотокъ моченыхъ грушъ. Угостился съ пріятелями квантумъ сатись, даже до полного разстройства желудка.

На утро батка поперъ съ газетнымъ листомъ на Ильинку къ мѣняламъ, справиться, гдѣ и какъ получить выигранныя деньги. Ему тамъ и объяснили все его невѣжество. «Плакали, молъ, отецъ дьяконъ, твои сто рубликовъ, а билетъ ты можешь оправить въ рамку и повѣсить у себя въ кабинетѣ, какъ вѣчную память твоей глупости.»

Обидѣлся онъ самымъ свирѣпымъ образомъ. Вернулся домой, точно грозовая туча. И прямо ко мнѣ: «скидывай портки!». — «За что, папенька?» — «А за то, за самое. Не обжорствуй мочеными грушами, въ нихъ бо есть блудь!» И такую прописаль мнѣ ижищу ниже спины, что и до сихъ поръ вспомнить щекотно. А остальные пять билетовъ въ тотъ же день продалъ. «Не хочу—сказалъ—постороствовать мошенническимъ аферамъ». Вотъ и все.

— Маловато, — замѣтилъ кто-то иронически.

— А что же? — возразилъ другой. — Хоть день, хоть часъ, а все-таки счастье. Разные тамъ мечты, надежды, планы . . .

Всѣ на минуту какъ-то задумчиво умолкли. Первымъ заговорилъ Среброструновъ.

— Если бы мнѣ двѣсти тысячъ, я объѣздить бы Россію, всѣ города и захоlustья, и набралъ бы самый замѣчательный въ мірѣ хоръ. И пѣлъ бы я съ нимъ въ Москвѣ. А потомъ сталъ бы концерттировать по Европѣ. Вездѣ: въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Римѣ, въ Берлинѣ. И приобрѣлъ бы я всесвѣтную славу. А Сугрובה кормилъ бы сырымъ мясомъ и показывалъ въ клѣткѣ за особую плату. Потому что за границей такихъ звѣрей еще не видывано.

— Вѣ-ѣрно, — протянулъ протодьяконъ низкимъ мягкимъ и густымъ басомъ.

— Да-а, — подтвердилъ Сугрובовъ на кварту ниже. — А я бы, — заговорилъ онъ съ оживленіемъ, — я бы сто пятьдесятъ, этакъ, тысячъ отдалъ женѣ и сказалъ бы: «вотъ тебѣ отступное. Живи себѣ, какъ хочешь, пой, играй, пляши, а я—до свиданія. Попилили меня десять лѣтъ, попили моей крови, пора и честь знать». И ушелъ бы я на волю. За симъ тридцать тысячъ отдѣлю въ общій великій вселенскій пропой, а на остальное куплю хату, на манеръ собачьей конуры, но съ садомъ и огородомъ. И буду возрощать плоды и ягоды. И кор-не-пло-ды . . . — закончилъ онъ въ нижнее контръ-ля.

Многіе засмѣялись. Имъ было давно извѣстно, въ какомъ рабскомъ подчиненіи держала этого могучаго, черноземнаго, стихійнаго человѣка его жена—маленькая, тощая языкатая женщина, ходячая злая скороговорка, первая ругательница на всемъ Житнемъ базарѣ.

И сразу весь банкетный кабинетъ закипѣлъ общимъ горячимъ разговоромъ. Какъ это часто бываетъ, соблазнительная тема о всевластности денегъ волшебю притянула и зажгла неутолимымъ волненіемъ этихъ бѣдняковъ, неудачниковъ и скрытыхъ честолюбцевъ, лю-

дей съ расштанной волей, съ неудовлетвореннымъ аппетитомъ къ жизни, съ затаенной обидой на жестокою судьбу. И тутъ сказались, точно вывернувшись наизнанку, истинная, потаенная буднями, натура каждаго. Мечтали вслухъ о винѣ, картахъ, вкусной ѣдѣ, о роскошной бархатной мебели, о далекихъ путешествіяхъ въ экзотическія страны, о шикарныхъ костюмахъ и перстняхъ, о собственныхъ лошадяхъ и громадныхъ собакахъ, о великовѣтской жизни въ обществѣ графовъ и бароновъ, о театрѣ и циркѣ, объ интрижкѣ со знаменитой пѣвицей, или укротительницей звѣрей, о сладкомъ ничегонедѣланіи, съ возможностью спать сколько угодно часовъ въ сутки, о лакеяхъ во фракахъ и, главное, о женщинахъ, о цѣломъ гаремѣ изъ женщинъ, о женщинахъ всѣхъ цвѣтовъ, роста, сложеній, темпераментовъ и національностей.

Пожилый консисторскій чиновникъ Свѣтовидовъ, умный, желчный и грубый человѣкъ, сказалъ ядовито:

— Ни у кого изъ васъ нѣтъ человѣческаго воображенія, милыя гориллы. Жизнь можно сдѣлать прекрасной при самыхъ маленькихъ условіяхъ. Надо имѣть только вонь тамъ, вверху надъ собой, маленькую точку. Самую маленькую, но возвышенную. И къ ней птти съ теплой вѣрою. А у васъ идеалы свиные, павіановъ, людоѣдовъ и бѣглыхъ каторжниковъ. Двѣсти тысячъ — дальше не идутъ ваши мечтанія. Но, во-первыхъ, у васъ у всѣхъ въ общей сложности, имѣется наличнаго капитала одинъ пыривый пятиалтынный. Во-вторыхъ, ни у кого изъ васъ не хватитъ выдержки съэкономить хотя бы сто рублей на покупку выигрышнаго билета. Карпенко, навѣрно, приобрѣлъ свой билетъ, зарѣзавъ родную тетку во время сна. И когда онъ выиграетъ двѣсти тысячъ, то какъ разъ въ тотъ же день его гнусное преступленіе раскроется, и его, раба божьяго повлекутъ въ тюрьму. А въ-третьихъ даже и съ билетомъ въ карманѣ, вѣроятность перваго выигрыша равна одному шансу на десять милліоновъ, т.-е. почти нулю, или безконечно малой дроби. Стало быть, все, что вы говорите сію минуту — одно суесловіе, раздраженіе плѣнной и жалкой мысли. Двѣсти тысячъ! Что за скудость фантазіи!

— Ему бы милліонъ, — сказалъ чей-то недружелюбный голосъ въ концѣ стола. — Извѣстно, консисторія — мѣсто хлѣбное, а глаза у нея завидующіе.

— А что же? — спокойно возразилъ Свѣтовидовъ, даже не обернувшись. — Мечтать о несбыточномъ, такъ мечтать пошире. Мил-

ліоновъ десять—это, скажемъ, недурно. Можно прожить умно, полезно и совкусомъ. Но почему бы вдругъ не сдѣлаться по мановенію волшебнаго жезла, напримѣръ, царемъ? Но и тогда ваши телячьи головы ничего остраго не вообразятъ. Знаете, есть побасенка. Русскаго рязанскаго мужичка спросили: «Что бы ты, Митенька, дѣлать, если бы былъ царемъ!» — «А я бы, говорить, сидѣлъ цѣлый день у воротъ на заваленкѣ и лузгаль бы сѣмечки. А какъ кто мимо идетъ—въ морду. Какъ мимо—такъ въ морду». Ваша готтентотская фантазія не на много дальше хватаетъ. Явись хоть сейчасъ къ вамъ, къ любому, дьяволъ и скажи: «вотъ, моль. готовая запродажная записка, по всей формѣ на твою душу. Подпишись своей кровью и я въ теченіе столькихъ-то лѣтъ буду твердо и вѣрно исполнять въ одно мгновеніе каждую твою прихоть. Что каждый изъ васъ продалъ бы свою душу съ величайшимъ удовольствіемъ, это несомнѣнно. Но ничего бы вы не придумали оригинальнаго, или грандіознаго, или веселаго, или смѣлаго. Ничего, кромѣ бабы, жрапья, питья и мягкой перины. И когда дьяволъ придетъ за вашей крошечной душонкой, онъ застанетъ ее охваченной смертельной скукой и самой подлой трусостью.

Свѣтовидовъ замолчалъ, и никто не возразилъ ему. Слова его были подобны ледяному компрессу на пылающую голову. Только кто-то, скрытый въ синемъ табачномъ дыму спросилъ изъ угла, обращаясь къ Цвѣту:

— Эй ты Іоанне Цвѣтоносный. А ты бы что бы? А?

— Я? — вострепнулся Цвѣтъ. Онъ блаженными, блестящими глазами уставился на лампу и тотчасъ же отъ нея огня отдѣлился другой огонь и легко поплылъ вправо и вверхъ. — Я бы? Мнѣ ничего не надобно. Вотъ хоть бы теперь . . . свѣтло, уютно . . . компанія милыхъ, хорошихъ товарищей . . . дружная бесѣда. . . Цвѣтъ радостно улынулся сосѣдямъ по столу. — Я хотѣлъ, чтобы былъ большой садъ . . . и въ немъ много прекрасныхъ цвѣтовъ. И многое множество всякихъ птицъ, какія только есть на свѣтѣ, и звѣрей . . . И чтобы всѣ ручные и ласковые. И чтобы мы съ вами всѣ тамъ жили . . . въ простотѣ, дружбѣ и веселости . . . Никто бы не ссорился . . . Дѣтей чтобы быть полною весь садъ . . . и чтобы всѣ мы очень хорошо пѣли . . . И трудъ былъ бы наслажденіемъ . . . И тамъ ручейки разные . . . рыба пускай по звонку приплываетъ . . .

— Словомъ — рай! — прервалъ его Свѣтовидовъ.

А протодіаконъ, сидѣвшій рядомъ, обнялъ Цвѣта, крѣпко

притиснулъ къ своей исполинской груди и однимъ сердечнымъ поцѣлуемъ обмусолили его носъ, губы, щеки и подбородокъ. И взревѣлъ ему въ самое ухо:

— Ваня! Другъ! Ангелоподобный!

Но въ эту минуту появился хозяинъ трактира съ третьимъ и послѣднимъ напоминаніемъ: «Во всемъ ресторанѣ огни уже потушены. Пора расходиться. А то отъ полиціи выйдутъ непріятности.» Стали расходиться.

Цвѣтъ возвращался домой въ самомъ чудесномъ настроеніи духа. Съ нѣжнымъ чувствомъ глядѣлъ онъ, какъ на нѣбѣ среди клубистыхъ, распушенныхъ облаковъ стремительно катился ребромъ серебряный кругъ луны, пролагая себѣ золотисто-оранжевый путь. И пѣлъ онъ на какой-то необычайно-прекрасный собственный мотивъ, собственные же слова акаѳиста всемірной красотѣ: «земли славное благоутробіе и благоуханіе и небеси глубоко торжественная, людіе веселіемъ играша воспѣвающе . . .»

Взбирался онъ къ себѣ на чердакъ очень долго, балансируя между стѣной и перилами. По привычкѣ безшумно отперъ наружную дверь, аккуратно раздѣлся и легъ въ постель, поставивъ возлѣ себя на стулѣ зажженную свѣчу. Взялъ было утреннюю недочитанную газету. Но буквы сливались въ мутныя полосы, а полосы эти принимали вращательное движеніе. Наконецъ, вѣки, отяжелѣвъ, сомкнулись, и сознаніе Цвѣта окунулось въ бездонную темноту и въ молчаніе.

III.

— Извиняюсь за безпокойство, — сказала осторожно чей-то голосъ.

Цвѣтъ испуганно открылъ глаза и быстро присѣлъ на кровати. Былъ уже полный день. Кенарь оглушительно заливался въ своей клѣткѣ. Въ пыльномъ, золотомъ солнечномъ столбѣ, лившемся косо изъ окна, стоялъ, слегка согнувшись въ полупоклонѣ и держа цилиндръ на отлетѣ, неизвѣстный господинъ въ черномъ поношенномъ, стариннаго покроя, сюртукѣ. На рукахъ у него были черныя перчатки, на груди огненно-красный галстукъ, подъ мышкой древній помятый, порыжѣвшій портфель, а въ ногахъ у него на полу лежалъ небольшой новый ручной саквояжъ желтой англійской кожи. Странно знакомымъ показалось Цвѣту съ перваго взгляда узкое и длинное лицо посѣтителя: этотъ ровный проборъ посрединѣ

черной, сѣдѣющей на вискахъ головы, съ полукруглыми расчесами вверхъ, въ видѣ приподнятыхъ концовъ, бабочкиныхъ крыльевъ или маленькихъ рожекъ, этотъ большой, тонкій, слегка крючковаатый носъ съ нервными козлиными ноздрями, блѣдныя, насмѣшливо изогнутыя губы, подъ наглыми воинственными усами, острая длинная французская бородка. Но болѣе всего напоминали какой-то давнишней, полузабытый образъ—брови незнакомца, подымавшіяся отъ переносья круто вкось прямыми, темными мрачными чертами. Глаза же у него были почти безцвѣтны, или скорѣе въ слабой степени напоминали выцвѣтшую на солнцѣ бирюзу, что очень рѣзко, холодно и неприятно противорѣчило всему энергичному, умному, смуглому лицу.

— Я стучалъ два раза, — продолжалъ любезно, слегка скрипучимъ голосомъ незнакомецъ. — Никто не отзывается. Тогда рѣшилъ нажать ручку. Вижу не заперто. Удивительная безопасность. Обокрасть васъ—самое нехитрое дѣло. Знаете, есть такіе специалисты воры, которые только тѣмъ и занимаются, что ходятъ по квартирамъ «на доброе утро». Я бы, конечно, не осмѣлился тревожить васъ такъ рано. — Онъ извлекъ изъ жилетнаго кармана древніе часы, луковицей, съ брелокомъ на волосяномъ шнурѣ, въ видѣ Адамовой головы, и посмотрѣлъ на нихъ. — Теперь три минуты одиннадцатаго. И если бы не крайне важное и неотложное дѣло . . . Да нѣтъ, вы не волнуйтесь такъ, — замѣтилъ онъ, увидя на лицѣ Цвѣта испугъ и торопливость. — На службу вамъ сегодня, пожалуй, и вовсе не придется итти . . .

— Ахъ, это ужасно неприятно, — конфузливо сказала Цвѣтъ. — Вы меня застали неодѣтымъ, погодите немного. Я только приведу себя въ порядокъ и сію минуту буду къ вашимъ услугамъ.

Онъ обулъ туфли, накинулъ на себя пальто и выбѣжалъ въ кухню, гдѣ быстро умылся, одѣлся и заказалъ самоваръ. Черезъ очень короткое время онъ вернулся къ своему гостю освѣженный, хотя съ красными и тяжелыми отъ вчерашняго кутежа вѣками. Извинившись за беспорядокъ въ комнатѣ, онъ присѣлъ противъ незнакомца и сказалъ:

— Теперь я готовъ. Сейчасъ намъ принесутъ чай. Чѣмъ обязанъ чести . . .

— Сначала позвольте рекомендоваться. — Посѣтитель протянулъ визитную карточку. — Я— ходатай по дѣламъ. Зовутъ меня Меодій Исаевичъ Тоффель.

«Странно. И фамилія какъ-будто бы знакомая», подумаль Цвѣтъ. Онъ слегка наклонилъ голову и съ недоумѣніемъ въ глазахъ пробормоталь:

— Очень пріятно . . . Но я . . .

— Одинъ моментъ . . . Простите, что перебиваю васъ. Вашего покойнаго батюшку звали, если не ошибаюсь, Степаномъ Николаевичемъ. Не такъ ли?

— Совершенно точно.

— Хорошо. Значить старшаго его брата, тоже нынѣ покойнаго, имя-отчество было Аполлонъ Николаевичъ? Вѣрно?

— Вѣрно. Но мнѣ лично не приходилось ни разу въ жизни видѣть его. Я только изрѣдка слышалъ о немъ кое-что по семейнымъ воспоминаніямъ родителей. Но это было уже очень давно . . . Такъ, какія-то мелочи . . . и мнѣ очень совѣстно, что я, кажется, совсѣмъ забылъ ихъ.

— Это вовсе и неважно. Пара пустяковъ, — небрежно махнулъ рукой ходатай и тотчасъ же, раскрывъ свой потертый портфель, вытащилъ изъ него съ ловкостью фокусника и выкинулъ на столъ одну за другой нѣсколько бумагъ разнаго формата.

— Для насъ самое главное въ нашемъ дѣлѣ то, что вашъ почтенный дядюшка былъ при жизни большимъ оригиналомъ, т.-е. мизантропомъ, нелюдимомъ и даже, говорить, алхимикомъ. Словомъ, — что называется, — чудакомъ.

— Да, я что-то слышалъ въ этомъ родѣ. Но помню это смутно, точно сквозь сонъ. Наша семья вообще не поддерживала съ нимъ никакихъ связей. Утеряли ихъ. Впрочемъ, безъ всякой ссоры.

— Такъ. Теперь ближе къ дѣлу. Десять лѣтъ тому назадъ вашъ дядюшка волею судьбы, покинулъ земную юдоль. Для васъ это событіе, очевидно, не имѣло никакого существеннаго значенія, кромѣ вполне естественнаго сознанія горестной утраты. А между тѣмъ, послѣ Аполлона Николаевича осталось небольшое наследство, состоящее изъ нѣсколькихъ сотъ десятинъ недвижимости въ Черниговской губерніи: земля, лѣсокъ и довольно значительная усадьба со старымъ барскимъ домомъ. Лѣтъ восемь это имущество считалось безхозяйнымъ, почти вымороченнымъ. А такъ какъ я специально занимаюсь розысками по такимъ невѣдомо кому принадлежащимъ имуществамъ, то, узнавъ случайно про Червоное, я и пошелъ по обратнымъ жизненнымъ слѣдамъ вашего покойнаго дядюшки. Положение мое было довольно тяжелое. Завѣшанія нѣтъ, закон-